Научная статья

УДК 342.562.5
DOI: 10.17150/1819-0928.2021.22(3).193-201

Действие решений Конституционного Суда Российской Федерации: влияние конституционных изменений

Виктор Васильевич Игнатенко
Байкальский государственный университет, Иркутск, Россия
rector@bgu.ru, https://orcid.org/0000-0001-6215-3799

Алексей Александрович Петров
Байкальский государственный университет, Иркутск, Россия
petrov-a-irk@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-2009-0627

АННОТАЦИЯ
Деятельность Конституционного Суда Российской Федерации направлена на достижение ряда целей, главенствующей из которых является обеспечение надлежащего действия Конституции в правовой системе страны в качестве акта, наделенного высшей юридической силой и имеющего прямое действие. Воплощением этой деятельности являются решения Конституционного Суда по конкретным делам. В связи с этим требует внимания вопрос о том, как эти решения действуют и применяются в случае, если Конституция претерпевает изменения в результате внесения в нее поправок. Сложность этой проблемы определяется высоким уровнем нормативной обобщенности как положений Конституции Российской Федерации, так и правовых позиций Конституционного Суда. Тема представляет практический интерес, поскольку в 2020 году Конституция Российской Федерации подверглась глубокой модернизации. Можно ожидать, что Конституционный Суд уже в ближайшее время столкнется с необходимостью определять пределы применения тех или иных своих решений, принятых ранее. В статье анализируется имеющаяся практика Конституционного Суда по вопросам юридической силы его решений, принятых до вступления в силу действующей Конституции. Приводятся примеры из зарубежного опыта, иллюстрирующие проблему соотношения изменяющихся конституций с решениями судебных органов конституционного контроля.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА
Конституция, Конституционный Суд, решение Конституционного Суда, поправки к Конституции

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ
Игнатенко В.В., Петров А.А. Действие решений Конституционного Суда Российской Федерации: влияние конституционных изменений // Академический юридический журнал. 2021. Т. 22, № 3. С. 193–201. DOI: 10.17150/1819-0928.2021.22(3).193-201.

Original article

Effect of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation: impact of constitutional changes

Victor V. Ignatenko
Baikal State University, Irkutsk, Russia
rector@bgu.ru, https://orcid.org/0000-0001-6215-3799

Aleksey A. Petrov
Baikal State University, Irkutsk, Russia
petrov-a-irk@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-2009-0627

ABSTRACT
The activities of the Constitutional Court of the Russian Federation are aimed at achieving a number of goals, the main one of which is to ensure the proper implementation of the Constitution in the nation's legal system as an act endowed with supreme legal force and having direct effect. The main external embodiment of this activity are the decisions of the Constitutional Court on specific cases. In this regard, it is of interest

© Игнатенко В.В., Петров А.А., 2021

how these decisions operate and are applied in the event that the Constitution – their legal basis – undergoes changes as a result of amendments to it. The complexity of this problem is determined by the high level of normative generalization of the provisions of the Constitution of the Russian Federation, as well as legal positions of the Constitutional Court. This topic is of quite practical interest, since in 2020 the Constitution of the Russian Federation underwent a fairly deep modernization. It can be expected that the Constitutional Court will in the near future face the need to determine the limits of application of its earlier decisions. In this regard, the article analyzes the existing practice of the Constitutional Court on the issues of the legal force of its decisions taken before the entry into force of the current Constitution. Examples from foreign experience are given, illustrating the problem of correlation of the changing constitutions with the decisions of the judicial bodies of constitutional control.

KEYWORDS
Constitution, Constitutional Court, decision of the Constitutional Court, amendments to the Constitution

FOR CITATION
Ignatenko V.V., Petrov A.A. Effect of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation: impact of constitutional changes. *Akademicheskiy yuridicheskiy zhurnal = Academic Law Journal.* 2021;22(3):193–201. (In Russ.). DOI: 10.17150/1819-0928.2021.22(3).193-201.

4 июля 2020 года – в день официального опубликования результатов общероссийского голосования[1] – вступили в силу изменения в Конституции Российской Федерации, предусмотренные Законом Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»[2]. Эти изменения затронули 42 статьи Конституции Российской Федерации из тех 68 ее статей, в которые могли быть внесены поправки (согласно части 1 статьи 135 и статье 136 Конституции положения глав 1, 2 и 9 Конституции не могут быть пересмотрены Федеральным Собранием, а поправки могут вноситься только к главам 3–8 Конституции). При этом 15 статей Конституции изложены в новой редакции, а еще в 27 статей включено в общей сложности 32 новых структурных элемента (части, пункты). В Конституции Российской Федерации появилось пять новых статей.

Содержание Конституции существенно обогатилось новыми идеями. Так, ряд внесенных изменений предусматривает конституционное признание общественных ценностей (историческая память, уважение к старшим, вера в Бога и т. д.), закрепление конституционных основ экономической и социальной политики (устойчивый экономический рост, социальное партнерство, солидарность поколений и т. д.).

Таким образом, есть все основания говорить о том, что в развитии российского конституционного права начинается новый этап. Это касается не только соответствующей отрасли права, но и науки: перед учеными-конституционалистами стоят задачи по анализу и осмыслению состоявшихся изменений, по исследованию новых направлений и аспектов конституционно-правового развития России. Достижения юридической науки имеют существенное значение для решения и практических вопросов, которые возникают и будут возникать в процессе «настройки» правовой системы в соответствии с требованиями обновленной Конституции.

Одним из таких вопросов является определение соотношения Конституции с учетом внесенных в нее изменений с решениями Конституционного Суда Российской Федерации (далее – Конституционный Суд), принятыми до вступления этих изменений в силу. На первый взгляд, здесь вообще нет какой бы то ни было проблемы – согласно части 1 статьи 15 Конституции принимаемые в Российской Федерации законы и иные правовые акты не должны противоречить ей. Из этого с однозначностью следует, что в случае противоречия между Конституцией и любым другим правовым актом (включая ранее принятое решение Конституционного Суда) действует Конституция. В этом проявляется высшая юридическая сила Конституции в правовой системе, о чем также идет речь в части 1 ее статьи 15.

Действительно, в ряде случаев не составляет труда установить, сохраняет ли свое значение та или иная правовая позиция Конституционного Суда после вступления в силу конституционных поправок, особенно если внесенные в Конституцию изменения решают вполне конкретные, узкие вопросы. Например, в Постановлении

[1] О результатах общероссийского голосования по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации : Постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 03 июля 2020 г. № 256/1888-7 // Российская газета. 2020. 04 июля.

[2] О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти : Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.

от 21 января 2010 года № 1-П[3] Конституционный Суд дал оценку правовому регулированию по вопросам значения постановлений Пленума и Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации для пересмотра вступивших в законную силу судебных актов арбитражных судов по вновь открывшимся обстоятельствам. Впоследствии Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 5 февраля 2014 года «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации»[4] Высший Арбитражный Суд Российской Федерации был упразднен. В связи с этим выводы, к которым пришел Конституционный Суд в указанном Постановлении, утратили свое значение в части, касающейся Высшего Арбитражного Суда, поскольку лишились своих конституционных оснований (применительно к факту наличия этого суда как элемента судебной системы Российской Федерации).

Однако поправки к Конституции далеко не всегда носят настолько узконаправленный характер. Так, Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ Конституция была дополнена новой статьей 75.1, которая провозгласила, что в Российской Федерации создаются условия для устойчивого экономического роста страны. Одним из ключевых факторов, определяющих экономическую динамику, является налоговая система. Конституционный Суд сформировал обширную практику по делам о проверке конституционности положений законодательства о налогах и сборах, по этим вопросам вынесены сотни решений. Однако эта практика складывалась в период, когда Конституция не закрепляла (во всяком случае, в эксплицитном виде) задачу обеспечения устойчивого экономического роста. В этой связи естественным образом возникает вопрос о том, в какой мере правовые позиции, содержащиеся в ранее принятых «налоговых» решениях Конституционного Суда, применимы в новых конституционных условиях?

В отечественной юридической литературе вопросу о действии решений судебных органов конституционного контроля в связи с внесением изменений в конституцию государства уделено сравнительно немного внимания. Некоторые предпосылки для дискуссии в этом плане создает пункт 3 части первой статьи 43 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 года «О Конституционном Суде Российской Федерации»[5] (далее – Закон о Конституционном Суде), согласно которому Конституционный Суд принимает решение об отказе в принятии обращения к рассмотрению в случае, если по предмету обращения им ранее было вынесено постановление, сохраняющее свою силу. Так, по мнению Е.В. Тарибо, из приведенного законоположения следует, что Закон о Конституционном Суде не предполагает бессрочности действия решений Конституционного Суда. Рассматривая его «от обратного», Е.В. Тарибо приходит к выводу, что решения Конституционного Суда при определенных обстоятельствах утрачивают силу [1, с. 407]. Он обоснованно отмечает важность изучения данного вопроса, поскольку от этого зависит адекватный учет результатов деятельности Конституционного Суда в законодательной и правоприменительной практике [2, с. 27]. А.В. Мазуров, комментируя указанное законоположение, также полагает, что, хотя Закон о Конституционном Суде не ограничил каким-либо образом юридическую силу решений Конституционного Суда, они могут утратить силу «фактически, без их прямой формальной отмены» [3, с. 119]. Характерно, что оба эти автора указывают в своих работах на изменение Конституции как на возможное основание утраты силы решениями Конституционного Суда.

Обращение к зарубежной практике подтверждает такую возможность. Так, XVI поправка к Конституции США, на основании которой Конгресс имеет право устанавливать и взимать налоги с доходов, каким бы ни был их источник, без распределения этих налогов между отдельными штатами и без учета какой-либо переписи или исчисления населения[6], явилась реакцией на

[3] По делу о проверке конституционности положений части 4 статьи 170, пункта 1 статьи 311 и части 1 статьи 312 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Производственное объединение «Берег», открытых акционерных обществ «Карболит», «Завод «Микропровод» и «Научно-производственное предприятие «Респиратор» : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 янв. 2010 г. № 1-П // Собрание законодательства РФ. 2010. № 6. Ст. 699.

[4] О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации : Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 05 февр. 2014 г. № 2-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 2014. № 6. Ст. 548.

[5] О Конституционном Суде Российской Федерации : Федер. конституц. закон от 21 июня 1994 г. № 1-ФКЗ : (ред. от 01 июля 2021 г. № 2-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 13. Ст. 1447; Российская газета. 2021. 06 июля.

[6] Конституции государств Америки : в 3 т. / под ред. Т. Я. Хабриевой. Москва : Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2006. Т. 1 : Северная и Центральная Америка. С. 824.

решение Верховного суда США по делу Pollock v. Farmers Loan and Trust Co.[7], которым было запрещено введение прогрессивных налогов и подоходного налога [4, с. 44].

Сходная ситуация возникла в 1990 году в Венгрии. После того, как Конституционный Суд этой страны признал неконституционной одну из норм Закона о выборах, парламент включил эту норму непосредственно в текст Конституции [5, с. 70].

Двадцать четвертая поправка к Конституции Индии была принята после принятия Верховным Судом Индии решения по делу I.C. Golaknath and Ors. vs State of Punjab and Anrs.[8], в котором было указано, что парламент не имеет права отменять основные права посредством принятия поправок к Конституции страны [6, с. 203–204].

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что полномочия по осуществлению конституционных изменений могут быть целенаправленно применены законодателем для преодоления юридической силы решений судебных органов конституционного контроля. Можно предположить, что если конституция государства изменяется именно по таким мотивам, то они не будут как-либо скрываться законодателем, и, соответственно, выявление противоречий между обновленной конституцией и ранее принятыми решениями конституционного суда (или аналогичного органа) не будет составлять труда, так же, как и в случаях, когда конституционные поправки являются «точечными» и решают исключительно конкретные вопросы.

Очевидно, однако, и другое – подобные ситуации являются редким исключением. Конституция устанавливает наиболее фундаментальные, первичные по своему значению правовые нормы. Конституционный Суд еще в Постановлении от 27 января 1993 года № 1-П[9] в связи с этим отмечал, что закрепленные в Конституции принципы обладают высшей степенью нормативной обобщенности, предопределяют содержание конституционных прав человека, отраслевых прав граждан, носят универсальный характер и в связи с этим оказывают регулирующее воздействие на все сферы общественных отношений; общеобязательность таких принципов состоит как в приоритетности перед иными правовыми установлениями, так и в распространении их действия на все субъекты права. Хотя эта характеристика, как видно из текста указанного Постановления, была дана лишь в отношении отдельных конституционных принципов, она – исходя из первичного характера конституционного регулирования – может быть распространена и на более широкий круг положений Конституции. Прежде всего высшая степень нормативной обобщенности характерна для основ конституционного строя Российской Федерации (глава 1 Конституции), однако это справедливо также для основ правового статуса личности (глава 2 Конституции), для подавляющего большинства конституционных предписаний о федеративном устройстве государства и организации местного самоуправления (главы 3 и 8 Конституции) и даже для целого ряда норм, определяющих основы статуса конкретных федеральных органов государственной власти (часть 1 статьи 80, статья 94, статья 114, часть 1 статьи 125 и др.).

Данная особенность Конституции существенно затрудняет установление соответствия ей других правовых актов, а тем более таких, которые близки к самой Конституции по характеру регулирующего воздействия. Решения Конституционного Суда в решающей степени строятся на истолковании положений Конституции, и поэтому сами стремятся к тому же уровню содержательной обобщенности. На практике это проявляется в том, что правовые позиции Конституционного Суда, будучи изначально сформулированными применительно к определенному вопросу, в дальнейшем могут применяться Судом в делах, где предметом изучения являются нормы других институтов и даже отраслей правового регулирования. Так, в соответствии с правовой позицией Конституционного Суда, выраженной в его постановлениях от 2 июля 1998 года № 20-П[10] (абзац первый пункта 7 мотивировочной части) и от 10 декабря 1998 года

[7] Pollock v. Farmers' Loan & Trust Company, 157 U.S. 429 (1895) // Findlaw.com. URL: https://caselaw.findlaw.com/us-supreme-court/157/429.html

[8] Golaknath v. State Of Punjab (1967 AIR 1643, 1967 SCR (2) 762). URL: https://indiankanoon.org/doc/120358

[9] По делу о проверке конституционности правоприменительной практики ограничения времени оплаты вынужденного прогула при незаконном увольнении, сложившейся на основе применения законодательства о труде и Постановлений Пленумов Верховного Суда СССР, Верховного Суда Российской Федерации, регулирующих данные вопросы : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 янв. 1993 г. № 1-П // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 4. Ст. 508.

[10] По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 331 и 464 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами ряда граждан : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 02 июля 1998 г. № 20-П // Собрание законодательства РФ. 1998. № 28. Ст. 3393.

№ 27-П[11] (абзац четвертый пункта 3 мотивировочной части), рассмотрение дела без участия лиц, о правах и об обязанностях которых принято решение, ограничивает их конституционное право на судебную защиту, искажает саму суть правосудия, является отступлением от гарантированных статьями 19 (часть 1) и 123 (часть 3) Конституции принципов равенства всех перед законом и судом, осуществления судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон. В Постановлении от 17 ноября 2005 года № 11-П (абзац второй пункта 4.3 мотивировочной части) Конституционный Суд указал, что «в силу универсальности названных принципов данная правовая позиция распространяется на все виды судопроизводства»[12].

В этой связи нельзя не отметить, что хотя в российской конституционной истории нет аналогов приведенным примерам из зарубежного опыта, это само по себе не означает, что сходные ситуации не могут возникать в России в будущем. Более того, как свидетельствует практика, вопросы о судьбе решений Конституционного Суда в свете конституционных изменений уже ставились.

Так, в Постановлении от 10 сентября 1993 года № 15-П[13] (пункт 1 резолютивной части) Конституционный Суд признал не соответствовавшими действовавшей в тот период Конституции (Основного Закона) Российской Федерации – России отдельные положения федеральных нормативных актов по вопросам разграничения государственной собственности в электроэнергетическом комплексе. Девять лет спустя, в 2002 году (т. е. уже после принятия новой Конституции в 1993 году) Конституционный Суд рассматривал вопросы о порядке реализации этого Постановления, а также о сфере его действия во времени в связи с ходатайством Правительства Российской Федерации. Как указано в Определении Конституционного Суда от 14 мая 2002 года № 112-О[14] (абзац первый пункта 1 мотивировочной части), Правительство в своем ходатайстве утверждало, что Постановление Конституционного Суда от 10 сентября 1993 года, как правовой акт, основанный на утратившей силу Конституции и непосредственно от нее производный, должно следовать ее судьбе, и его реализация возможна только с учетом пунктов 1 и 2 раздела второго «Заключительные и переходные положения» действующей Конституции, а также правовых позиций, которые изложены в решениях Конституционного Суда, принятых после вступления в силу Конституции 1993 года.

Как видно из приведенной формулировки, Правительство поставило вопрос весьма радикально – о действии Постановления Конституционного Суда от 10 сентября 1993 года во времени. Строго говоря, решение подобного вопроса выходит за рамки процедуры официального разъяснения решений Конституционного Суда. Согласно правовой позиции, которая была изложена Конституционным Судом еще до рассмотрения упомянутого выше ходатайства Правительства Российской Федерации, ходатайство о разъяснении решения не подлежит рассмотрению, если поставленные в нем вопросы не требуют какого-либо дополнительного истолкования именно самого решения по существу[15] (абзац первый пункта 2 мотивировочной части). Официальное разъяснение решения Конституционного Суда, таком образом, должно быть направлено на обе-

[11] По делу о проверке конституционности части второй статьи 335 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина М.А. Баронина : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 дек. 1998 г. № 27-П // Собрание законодательства РФ. 1998. № 51. Ст. 6341.

[12] По делу о проверке конституционности части 3 статьи 292 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами государственного учреждения культуры «Дом культуры им. Октябрьской революции», открытого акционерного общества «Центронефтехимремстрой», гражданина А.А. Лысогора и Администрации Тульской области : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 нояб. 2005 г. № 11-П // Собрание законодательства РФ. 2005. № 48. Ст. 5123.

[13] По делу о проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации от 15 августа 1992 года «Об организации управления электроэнергетическим комплексом Российской Федерации в условиях приватизации» : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 сент. 1993 г. № 15-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 1994. № 4-5.

[14] Об отказе в принятии к рассмотрению ходатайства Правительства Российской Федерации об официальном разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 10 сентября 1993 года по делу о проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации «Об организации управления электроэнергетическим комплексом Российской Федерации в условиях приватизации» : Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 14 мая 2002 г. № 112-О. URL: http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision33569.pdf.

[15] По ходатайству полномочного представителя Президента Российской Федерации в Приволжском федеральном округе об официальном разъяснении определения Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 года по запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке соответствия Конституции Российской Федерации отдельных положений Конституций Республики Адыгея, Республики Башкортостан, Республики Ингушетия, Республики Коми, Республики Северная Осетия – Алания и Республики Татарстан : Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 апр. 2001 г. № 65-О // Собрание законодательства РФ. 2001. № 20. Ст. 2059.

спечение надлежащего действия разъясняемого решения, а не на ограничение его действия (в том числе и во времени). Отчасти это, очевидно, осознавалось и Правительством, которое наряду с вопросом о действии Постановления Конституционного Суда от 10 сентября 1993 года во времени (что явно имело целью признание данного Постановления недействующим) просило разъяснить и механизм его реализации. Конституционный Суд, формально отказав в принятии ходатайства Правительства к рассмотрению, отметил все же, что правовая позиция, изложенная им в Постановлении от 10 сентября 1993 года, была неоднократно подтверждена в последующих решениях Конституционного Суда, и на ее основе сложились определенные правоотношения, в том числе урегулированные в судебном порядке (абзац четвертый пункта 2 и абзац первый пункта 3 мотивировочной части Определения от 14 мая 2002 года № 112-О). Иными словами, Конституционный Суд подтвердил, что его Постановление от 10 сентября 1993 года продолжает действовать, хотя Конституция, на основании которой оно было принято, утратила свою силу.

Внимательное изучение аргументации, предложенной Конституционным Судом в обоснование этого вывода, выявляет ее недостаточную убедительность. Фактически она сводится к тому, что Постановление Конституционного Суда от 10 сентября 1993 года сохраняет свою силу потому, что оно применялось в период после вступления в силу Конституции 1993 года, в том числе и самим Конституционным Судом. При этом Конституционный Суд сослался только на свое Определение от 8 октября 1999 года № 172-О[16], в котором Конституционный Суд действительно упоминает свое Постановление от 10 сентября 1993 года, но лишь в связи с выводом о неподведомственности ему споров имущественного характера, в том числе связанных с принадлежностью тех или иных объектов конкретным собственникам. По существу Конституционный Суд не сформулировал в данном деле никаких определенных критериев, применение которых позволяло бы оценивать решения Конституционного Суда, принятые в период действия прежнего Основного Закона, на предмет их применимости в период после вступления в силу Конституции 1993 года.

В другом деле Конституционный Суд предпринял более обстоятельную попытку вывести такие критерии. В своем Постановлении от 27 января 1993 года № 1-П он на основании жалоб ряда граждан признал неконституционным обыкновение правоприменительной практики, ограничивающее право граждан на полное возмещение ущерба, причиненного вынужденным прогулом при незаконном увольнении, определенным сроком оплаты (пункт 1 резолютивной части). Эта практика сложилась на основе в том числе части второй статьи 213 Кодекса законов о труде Российской Федерации, действовавшей в редакции Закона Российской Федерации от 25 сентября 1992 года. Затем, уже после принятия и вступления в силу Конституции 1993 года, двое из этих же граждан обратились в Конституционный Суд с жалобой на нарушение их конституционных прав тем же положением Кодекса законов о труде Российской Федерации. Рассматривая эти жалобы, Конституционный Суд пришел к выводу, что его Постановление от 27 января 1993 года реально исполнено не было, и признал, что оно «сохраняет свое значение de jure и de facto в связи с продолжающимся ее истолкованием судами в том смысле, в каком она была признана неконституционной»[17] (пункт 1 резолютивной части).

Такая формулировка подразумевает, что обоснование неконституционности предмета судебного конституционного контроля «переживает» Конституцию, на основе которой это обоснование было сконструировано. В дальнейшем Конституционный Суд раскрыл и механизм, благодаря которому такое «переживание» становится возможным. В Определении от 5 октября 2000 года № 198-О[18] (пункт 3 резолютивной ча-

[16] Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Главы Республики Коми о проверке конституционности пункта 4 раздела IV Приложения № 1 к Постановлению Верховного Совета Российской Федерации от 27 декабря 1991 года № 3020-1 «О разграничении государственной собственности в Российской Федерации на федеральную собственность, государственную собственность республик в составе Российской Федерации, краев, областей, автономной области, автономных округов, городов Москвы и Санкт-Петербурга и муниципальную собственность» : Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 08 окт. 1999 г. № 172-О. URL: http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision33465.pdf.

[17] По делу о проверке конституционности части второй статьи 213 КЗоТ Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г.И. Шульженко и С.А. Мазанова : Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 15 июня 1995 г. № 29-О // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 1995. № 2-3.

[18] По жалобе гражданина Мосякова Якова Афанасьевича на нарушение его конституционных прав применением части второй статьи 213 КЗоТ Российской Федерации (ред. от 25 сентября 1992 г.) : Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 05 окт. 2000 года № 198-О // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2001. № 1.

сти), принятом по жалобе гражданина Я.А. Мосякова на нарушение его прав все той же частью второй статьи 213 Кодекса законов о труде Российской Федерации, Конституционный Суд указал, что изначальное признание неконституционности правоприменительной практики ограничения возмещения ущерба, причиненного вынужденным прогулом при незаконном увольнении, было основано на определенных положениях Конституции, действовавшей в то время. При этом закрепленные в этих конституционных положениях права и свободы, а также связанные с ними общеправовые принципы и принципы договорных отношений провозглашаются и гарантируются также в ныне действующей Конституции. Именно это обстоятельство подтверждает обязательность (т. е. сохраняющуюся силу) Постановления Конституционного Суда от 27 января 1993 года.

Таким образом, в указанных решениях Конституционного Суда (Постановление от 27 января 1993 года № 1-П, определения от 15 июня 1995 года № 29-О и от 5 октября 2000 года № 198-О) изложен подход, согласно которому решение Конституционного Суда, принятое до внесения изменений в Конституцию, сохраняет силу, если нормы Конституции, на которых оно основано, сохранились в том же виде после внесения таких изменений. Строго говоря, ситуация, рассмотренная Конституционным Судом в названных решениях, сложилась в результате принятия новой Конституции, а не внесения поправок в действующую. Представляется, однако, что эта деталь не исключает применения изложенного подхода и к вопросу о судьбе решений Конституционного Суда в связи с внесением поправок в Конституцию 1993 года.

В контексте рассматриваемой темы нельзя не отметить, что решение Конституционного Суда, будучи единым, целостным правовым актом, включает в себя разнообразные по содержанию и сути положения, среди которых выделяются правовые позиции – истолкование конституционных и иных норм, которое используется Конституционным Судом в качестве доводов в пользу принятого решения, а также формулировка решения, т. е. сформулированные Конституционным Судом, в том числе на основании его правовых позиций, выводы по существу рассмотренного дела (о конституционности или неконституционности оспариваемых актов или их отдельных положений, об официальном толковании Конституции и т. д.). Проблема определения действия решений Конституционного Суда в результате конституционных изменений, на наш взгляд, возникает именно в связи с содержанием правовых позиций Конституционного Суда. Что же касается его итоговых выводов по существу рассмотренных дел, то они в любом случае сохраняют свою силу в том смысле, что вызванные ими правовые последствия не аннулируются. Если правовой акт решением Конституционного Суда признается неконституционным, то на основании части 6 статьи 125 Конституции он утрачивает силу, исключается из системы правового регулирования и не может возобновить свое действие в случае, если Конституция после такого решения Конституционного Суда претерпевает изменения. Другое дело, что в такой ситуации не исключается повторное установление правового регулирования, которое ранее уже было предметом оценки со стороны Конституционного Суда; основанием для этого может быть изменение или прекращение действия конституционных положений, на основе которого Конституционный Суд ранее пришел к выводу о неконституционности оспариваемых норм. Однако в таком случае речь будет идти о принятии новых правовых актов, а не о восстановлении действия актов, которые были предметом судебного конституционного контроля и утратили силу вследствие признания их неконституционности. Конституционность таких актов может быть проверена Конституционным Судом по основаниям, предусмотренным частью второй статьи 36 Закона о Конституционном Суде, т. е. при наличии неопределенности в вопросе об их соответствии измененной Конституции.

Если же Конституционный Суд по результатам рассмотрения дела пришел к выводу о соответствии Конституции оспариваемых нормативных положений, а затем в Конституцию в соответствующей части были внесены изменения, то эти же положения могут быть повторно оспорены в Конституционном Суде, если возникнет неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли они Конституции, действующей с учетом внесенных в нее поправок.

Что касается возможных правовых механизмов определения пределов действия решений Конституционного Суда в связи с внесением поправок в Конституцию, то в этом качестве могут быть использованы уже предусмотренные законодательством процедуры конституционного судопроизводства. В частности, выводы относительно возможности применения решений Конституционного Суда в условиях действия обновленной редакции Конституции могут при

необходимости включаться в мотивировочную часть его последующих решений. Помимо вышеупомянутого дела о возмещении ущерба, причиненного вынужденным прогулом при незаконном увольнении, этот метод применялся Конституционным Судом и в других делах. В качестве примера можно привести Определение Конституционного Суда от 11 мая 2006 года № 133-О[19] (абзац первый мотивировочной части), где говорится о подтверждении юридической силы Постановления Конституционного Суда от 31 мая 1993 года № 12-П[20], поскольку Конституция 1993 года полностью восприняла положения прежней Конституции об имущественных и конституционных правах граждан.

Для разрешения соответствующих вопросов целесообразно применять также процедуру официального разъяснения решений Конституционного Суда, предусмотренную статьей 83 Закона о Конституционном Суде. По смыслу этой статьи она может быть применена к любым решениям Конституционного Суда, в том числе к тем, которые были приняты до вступления в силу Закона о Конституционном Суде (это как раз и есть решения 1992–1993 годов, принятые на основании прежней Конституции). Кроме того, процедура официального разъяснения может быть задействована и для уточнения пределов применения решений Конституционного Суда, принятых до вступления в силу Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти».

Не исключено и внесение в Закон о Конституционном Суде изменений, предусматривающих введение специальной процедуры оценки решений Конституционного Суда не предмет их совместимости с Конституцией после внесения в нее поправок. Возможность и даже целесообразность применения в данном случае именно законодательных инструментов диктуются незавершенностью конструкции юридической силы решений Конституционного Суда. Анализ положений Закона о Конституционном Суде, которые нормативно закрепляют эту конструкцию (статьи 6, 79 и некоторые другие), создает впечатление, что законодатель видит решения Конституционного Суда едва ли не вечными. Однако это не только не соответствует пониманию решений Конституционного Суда как актов, подчиненных Конституции (подконституционных, по выражению В.О. Лучина и О.Н. Дорониной [7, с. 125]), но и опровергается пунктом 3 части первой статьи 43 Закона о Конституционном Суде, указывающим, что решение Конституционного Суда принципиально может утратить силу. Поэтому с точки зрения требований полноты и определенности правового регулирования имеется потребность в определении видов аннулирующих операций, которые могут быть применены к решениям Конституционного Суда, а также в закреплении порядка и оснований их применения. Это особенно важно с учетом выраженного правотворческого характера решений Конституционного Суда, а регламентация любой правотворческой деятельности, сколь бы специфичной эта деятельность ни была, немыслима без учета вопросов применения аннулирующих операций с правовыми актами [8, с. 31].

В заключение хотелось бы сформулировать вопрос, который достаточно естественным образом возникает из темы настоящей статьи, хотя и выходит за ее рамки: если в решении Конституционного Суда есть элементы, которые способны «выжить» после внесения поправок в действующую Конституцию и даже после принятия новой Конституции, то что делает возможным такое выживание? Это весьма интригующая тема, и она заслуживает отдельного исследования. Однако можно уверенно утверждать, что уже в ближайшем будущем актуальность научных поисков в этом направлении будет возрастать по мере внедрения обновленной Конституции в российскую правовую действительность, которое будет происходить в значительной степени именно через решения Конституционного Суда.

[19] По жалобе граждан А.С. Виноградова, Л.Н. Виноградовой и В.Д. Миронова на нарушение их конституционных прав положениями части пятой статьи 137 Федерального закона «О федеральном бюджете на 2004 год» и части 5 статьи 113 Федерального закона «О федеральном бюджете на 2005 год» : Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 11 мая 2006 г. № 133-О // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2006. № 5.

[20] По делу о проверке конституционности Закона РСФСР от 24 октября 1991 года «Об индексации денежных доходов и сбережений граждан в РСФСР» и Постановления Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 года «О порядке введения в действие Закона РСФСР «Об индексации денежных доходов и сбережений граждан в РСФСР», постановления девятого (внеочередного) Съезда народных депутатов Российской Федерации от 27 марта 1993 года «О компенсации и восстановлении сбережений граждан Российской Федерации», Указа Президента Российской Федерации от 28 марта 1993 года «О защите сбережений граждан Российской Федерации» : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 мая 1993 г. № 12-П // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 29. Ст. 1142.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Тарибо Е.В. Проблемы эволюционного развития российской модели судебного конституционного нормоконтроля : дис. д-ра юрид. наук : 12.00.02 / Е.В. Тарибо. – Москва, 2019. – 522 с.

2. Тарибо Е.В. К вопросу об утрате юридической силы решений Конституционного Суда / Е.В. Тарибо // Российское правосудие. – 2007. – № 12 (20). – С. 23–27.

3. Мазуров А.В. Комментарий к Федеральному конституционному закону «О Конституционном Суде Российской Федерации» / А.В. Мазуров. – Москва : Частное право, 2009. – 576 с.

4. Лафитский В.И. Основы конституционного строя США / В.И. Лафитский. – Москва : Норма, 1998. – 272 с.

5. Галмаи Г. Опыт конституционного правосудия в Венгрии (итоги двух лет) / Г. Галмаи // Государство и право. – 1993. – № 9. – С. 63–74.

6. Шустров Д.Г. Конституционный контроль за поправками к конституции в зарубежных странах : монография / Д.Г. Шустров. – Москва : Юрлитинформ, 2019. – 376 с.

7. Лучин В.О. Жалобы граждан в Конституционный Суд Российской Федерации / В.О. Лучин, О.Н. Доронина. – Москва : Закон и право : ЮНИТИ, 1998. – 260 с.

8. Белкин А.А. Аннулирующие операции с юридическими актами / А.А. Белкин // Правоведение. – 1996. – № 4. – С. 31–40.

REFERENCES

1. Taribo E.V. *The Problems of the Evolutional Development of Russian Pattern of the Judicial Constitutional Control of Laws. Doct. Diss.* Moscow, 2019. 522 p.

2. Taribo E.V. To a Question about the Loss of Effect of the Decisions of the Constitutional Court. *Rossiiskoe pravosudie = Russian Justice,* 2007, no.12, pp. 23–27. (In Russian).

3. Mazurov A.V. *Commentary on the Federal Constitutional Law «On the Constitutional Court of the Russian Federation*.» Moscow, Chastnoe pravo Publ., 2009. 576 p.

4. Lafitsky V.I. *Fundamentals of the USA Constitutional System*. Moscow, Norma Publ., 1998. 272 p.

5. Galmai G. Experience of Constitutional Justice in Hungary (Results of two Years). *Gosudarstvo i pravo = State and Law,* 1993, no. 9, pp. C. 63–74. (In Russian).

6. Shustrov D.G. *Constitutional Control over Amendments to the Constitution in Foreign Countries*. Moscow, Yurlitinform Publ., 2019. 376 p.

7. Luchin V.O., Doronina O.N. *Appeals of Citizens to the Constitutional Court of the Russian Federation*. Moscow, Zakon i pravo Publ., 1998. 260 p.

8. Belkin A.A. Cancellation Transactions with Legal Acts. *Pravovedenie = Jurisprudence,* 1996, no. 4, pp. 31–40. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Игнатенко Виктор Васильевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, ректор. Байкальский государственный университет. 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11; Author lD: 330363

Петров Алексей Александрович – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права Института государственного права и национальной безопасности. Байкальский государственный университет. 664003, Россия, г. Иркутск, ул. Ленина, 11; Researcher ID AAQ-1895-2021

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Victor V. Ignatenko – Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation, Rector, Baikal State University, 11, Lenin st., Irkutsk, Russia, 664003; Author lD: 330363

Aleksey A. Petrov – Doctor of Law, Chair of Constitutional and Administrative Law, Institute of State Law and National Security. Baikal State University. 11, Lenin st., Irkutsk, Russia, 664003; Researcher ID AAQ-1895-2021

Поступила в редакцию / Received 19.07.2021

Доработана после рецензирования / Revised 22.09.2021

Принята к публикации / Accepted 20.10.2021